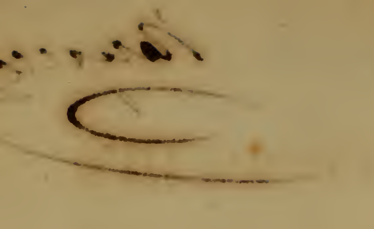

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Shkliarevskii, Pavel

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПАВЛА ШКЛЯРЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ Типографіи вдовы Плюшаръ.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Іюня 21 дня, 1831 года.

Цензоръ Ст. Сов. *Никита Бутырскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ

ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя Публикѣ стихотворенія молодаго поэта, еще нигдѣ не напечатанныя, я долженъ сказать, что единственною причиною изданія оныхъ было желаніе сдѣлать извѣстными опыты разцвѣтавшаго таланта, къ сожалѣнію слишкомъ рано похищеннаго смертію для отечественной музы. — Это самое желаніе, доставившее мнѣ много пріятныхъ минутъ при началѣ сего предпріятія, побуждало меня не щадить трудовъ при разборѣ множества

оставшихся послѣ него сочиненій и переводовъ — и при сравниваніи различныхъ списковъ одного и того же стихотворенія. Но когда лучшія статьи были выбраны и приведены въ порядокъ; когда узнаны были имена сочинителей при переводахъ, однимъ словомъ когда все было приготовлено къ изданію, я съ безпокойствомъ помышлялъ объ ономъ, не довѣряя самому себѣ и не надѣясь удовлетворить ожиданія читателей. Въ самомъ дѣлѣ ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ издавать новую книгу въ той странѣ, гдѣ уже есть образцы почти во всѣхъ родахъ поэзіи, но гдѣ нѣтъ еще общаго, образованнаго чувства изящнаго, и гдѣ потому гораздо болѣе ложной кри-

тики, нежели истинной литтературы. Думая безпрестанно о последнемъ, я совѣтовался съ людьми опытными, знающими цѣну произведеніямъ словесности, и убѣжденный ихъ отзывами, я выдаю эти стихотворенія и ищу одного благосклоннаго вниманія.

Впрочемъ, если издателю, соединенному дружбою съ авторомъ, позволено сказать нѣсколько словъ о сочиненіяхъ и переводахъ послѣдняго, то онъ осмѣлится поставить нѣкоторыя изъ оныхъ на ряду со многими хорошими произведеніями нашей словесности. Я называю хорошимъ только то, гдѣ высокая идея, облеченная въ разные виды игривою фантазіею, выражена обра-

зованнымъ, гармоническимъ языкомъ. Здѣсь необходимо также прибавить, что стихотвореніе должно быть нравственно, ибо напрасно будутъ искать поэзіи тамъ, гдѣ обрисовываютъ со всею роскошью богатаго языка сцены недостойныя даже обыкновеннаго разговора. — И къ несчастію въ новѣйшее время выходятъ у насъ много подобныхъ стихотворныхъ повѣстей и съ одобреніемъ принимаются публикою. — Разсмотрите же теперь сочиненія Шкляревскаго, (которыхъ къ сожалѣнію не много) и вы вездѣ найдете или высокую мысль, или чувство, выраженное языкомъ самымъ поэтическимъ; прочтите его стихи *къ Богу*, *къ другу*, *на новый годъ*, *къ товарищамъ*,

и вы удостовѣритесь, что мои слова справедливы. — Даже въ *Кучумѣ* — думѣ, еще совершенно необработанной, чувство грусти выражено отличнымъ образомъ. Я не говорю о его переводахъ, которые всѣ съ лучшихъ писателей: изъ Гете, Шиллера, Байрона, Горація и проч.

Такимъ образомъ читателю предлежитъ книга, имѣющая хотя нѣкоторыя достоинства; мнѣ пріятно будетъ услышать приговоръ строгій, но справедливый; еще пріятнѣе было бы узнать, что труды мои признаны полезными.

Вотъ что я почиталъ необходимымъ сказать объ этой книгѣ; многіе изъ читавшихъ стихотворенія Шкляревскаго желали также знать

и нѣкоторыя обстоятельства его жизни. Но исполняя ихъ желаніе, я скажу, что жизнь молодаго человѣка, умершаго на 24-мъ году возраста, и еще не выступившаго на поприще гражданской дѣятельности, можетъ быть занимательно только для его друзей. — Онъ родился 1806 года, 15 Генваря, Полтавской губерніи въ городѣ Лубнахъ. — На 11 году своего возраста отвезенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ и воспитывался у своего дяди, и въ 1823 году отданъ былъ въ С. Петербургскую Гимназію, въ это время учрежденную. — Во все время пребыванія въ Гимназіи онъ показывалъ ту дѣятельность души, которая въ послѣдствіи могла бы доставить по-

четное мѣсто между учеными Россіи. Этотъ періодъ его жизни есть въ тоже время и піитической; бо́льшая часть переводовъ, теперь издаваемыхъ, принадлежитъ къ этому времени. Есть много его собственныхъ сочиненій тогда написанныхъ; они всѣ носятъ на себѣ печать юношескаго порыва, но не имѣютъ той зрѣлости, которая отличаетъ позднѣйшія его стихотворенія, и потому я рѣшился не печатать оныхъ.

Въ 1827 году онъ переведенъ былъ въ Императорскій С. Петербургскій Университетъ, гдѣ и занимался предметами Философо-Юридическаго Факультета. — Въ томъ же году въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, Императоръ Имяннымъ Указомъ приказалъ вы-

брать изъ всѣхъ Рускихъ Университетовъ молодыхъ людей, и послѣ испытанія въ Академіи Наукъ отправить въ Университетъ Дерптскій, а потомъ въ Германію и Францію, дабы въ послѣдствіи занять каѳедры въ Рускихъ Университетахъ. Шкляревскій, уже давно отличавшійся своими знаніями, былъ тоже выбранъ въ этотъ такъ называемый Профессорскій Институтъ, и 1828 года, Іюля 15-го отправился въ Дерптъ по части философіи. Здѣсь открылось новое поле для его умственной дѣятельности; богатая библіотека доставила ему многія средства для занятій, и онъ съ величайшимъ рвеніемъ старался о пріобрѣтеніи новыхъ познаній; но это самое стрем-

леніе и было причиною его смерти. Отъ чрезмѣрнаго напряженія онъ получилъ чахотку и въ 1830 году 10-го Іюня скончался, оплакиваемый всѣми своими друзьями и товарищами.

Такова была жизнь молодаго поэта;— присоедините ко всему этому необыкновенную доброту души, пламенный патріотизмъ и желаніе быть полезнымъ своему отечеству, то вы невольно объ немъ пожалѣете; если же такія качества юноши ручаются за зрѣлость въ лѣтахъ возмужалыхъ, то объ немъ можно сожалѣть болѣе нежели только о молодомъ человѣкѣ.

Михаилъ Куторга.

Какъ имя на камнѣ, прикрывшемъ гробницу
Знакомаго странника къ холму манитъ;
Пусть такъ мое имя твой взоръ обратитъ,
Лишь только ты взглянешь на эту страницу!

И если прочтешь ты его, и слезою
Задумчивый взоръ твой тогда заблеститъ;
То думай, что нѣтъ меня здѣсь подъ луною,
И что мое сердце въ строкахъ сихъ лежитъ!...

(Изъ Байрона) Павелъ Шкляревскій.

MIGNON.

Ахъ ты знаешь ли край съ вѣчно юной весной?
Гдѣ цвѣтетъ апельсинъ и лимонъ золотой,
Гдѣ съ прохладою лѣта слитъ розъ ароматъ,
Гдѣ привѣтливо мирты и лавры шумятъ,
Ахъ, ты знаешь ли край сей?
                                        О еслибъ туда
Я могла, о мой милый, съ тобою летѣть!

Ахъ ты знаешь ли домъ? тамъ колонны кругомъ,
Всюду мраморъ блеститъ, всюду злато горитъ;
Истуканы стоятъ и глядятъ на меня:
Ахъ что сталось съ тобой, что ты плачешь, дитя?
Ахъ ты знаешь ли домъ сей?
                                        О еслибъ туда
Я могла, мой хранитель, съ тобою летѣть!

Ахъ ты знаешь ли гору подъ тучей и мглой?
Мулъ въ туманѣ бредетъ по стремнинѣ крутой;
Тамъ драконы шипятъ; и кипятъ и летятъ

Со скалы на скалу водопада валы
Ахъ ты знаешь ли гору сію?
                                        О, туда
Намъ дорога съ тобою, родитель! пойдемъ!

ЛАКИНЪ-И-ГЕРЪ.

Лакинъ-и-Геръ, или, какъ произносятъ Шотландцы, Лох-на-Гарръ есть высокая гора въ Сѣверной Шотландіи близь Инвернольда. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ упоминаетъ о ней, какъ о высочайшей въ Велико-Британіи; не говоря о семъ, замѣтимъ только, что гора сія есть самая живописная и величественная между Каледонскими Альпами. Видъ ея темнаго цвѣта, но вершина одѣяна вѣчными снѣгами. Близь Лакинъ-и-Гера я (*) провелъ нѣсколько лѣтъ моей юности, и воспоминаніе о семъ произвело слѣдующіе стансы.

I.

Сокройтесь отъ взоровъ, поляны съ цвѣтами;
Картины садовъ и долинъ!
Пусть нѣги любимецъ плѣняется вами,
Пусть любитъ васъ роскоши сынъ!

(*) Говоритъ Байронъ.

Отдайте мнѣ скалы, утесы крутые,
Гдѣ радости въ дебряхъ цвѣтутъ,
Утесы престолы снѣговъ вѣковые,
Любви и свободы пріютъ!
Мнѣ милы твои, Каледонія, горы
И рощи на скатахъ стремнинъ;
Плѣнительны рокоты грома и споры
Стихій вокругъ бѣлыхъ вершинъ;
Люблю вознесенныя къ тучамъ громады,
Гдѣ вмѣсто ручьевъ, на скалахъ
Клубятся въ ущельяхъ, ревутъ водопады:
Мечтаю о дикихъ лѣсахъ
Мрачнаго Лох-на-Гарра.

II.

Ахъ! тамъ моя юность въ тиши протекала,
Тамъ я по долинѣ блуждалъ;
Шотландская шапка (*) главу покрывала
И вѣтеръ мой плащъ (**) развѣвалъ.
Бывало, въ спокойствіи рощи угрюмой,
Средь черныхъ, обрушенныхъ пней,
Въ минувшемъ летая крылатою думой,
Будилъ я погибшихъ вождей....

(*) Bonnet, родъ колпака, который обыкновенно носятъ горные Шотландцы.

(**) Plaid, епанча.

И только тогда изчезало мечтанье,
Тогда я жилища искалъ,
Когда чуть блѣднѣло свѣтила мерцанье
На темѣ нахмуренныхъ скалъ,
И въ Сѣверѣ ярко звѣзда золотая
Блестѣла сквозь дымъ облаковъ. . . .
Какъ душу питалъ я, съ восторгомъ внимая
Преданіямъ древнимъ сыновъ
Мрачнаго Лох-на-Гарра!

III.

О тѣни умершихъ! Не я ль съ трепетаньемъ
Вашъ голосъ громовый внималъ?
Не онъ ли сливался дубравъ съ бушеваньемъ
И съ вѣтромъ ночнымъ завывалъ? . . .
Ахъ! вѣрно, несясь надъ холмами родными,
Плывя надъ страною родной,
Героя душа утѣшается ими,
Обрѣтши отрадный покой! . . .
Когда Лох-на-Гарра главу осѣняетъ
Ночь бурная чернымъ крыломъ,
Въ разщелинахъ дикихъ зима возсѣдаетъ
На тронѣ въ вѣнцѣ ледяномъ:
Тогда облекаются тучами тѣни
Героевъ и предковъ моихъ;
Они возлежатъ средь порывныхъ смятеній
На крыліяхъ бурь громовыхъ
Мрачнаго Лохъ-на-Гарра!

IV.

Могущіе предки дышавшіе славой!
 Несчастья и васъ обрѣли! (*)
Иль жребій плачевный средь сѣчи кровавой
 Видѣнія не предрекли?...
Ахъ! въ битвѣ Кулоденской пали Вы, дѣды!
 Вы пали — огнь жизни угасъ,
И вамъ не гремѣли ни плески побѣды,
 Ни славы торжественный гласъ!...
Но, предки, утѣшьтесь! — Вы счастливы нынѣ,
 Вы раннимъ покоитесь сномъ,
Въ пещерахъ Бремара, (**) въ угрюмой пустынѣ,
 Гдѣ токъ на утесѣ крутомъ
Шумитъ и сверкаетъ подъ говоромъ елей...
 О вашихъ безсмертныхъ дѣлахъ
Гласитъ и пѣснь рога, (***) и звонкихъ свирѣлей
 Звукъ, вторимый эхомъ въ лѣсахъ
 Мрачнаго Лох-на-Гарра!

(*) Здѣсь сочинитель разумѣетъ предковъ своихъ съ материнской стороны Гордоновъ; многіе изъ нихъ сражались за Принца Карла, извѣстнаго подъ именемъ притязателя (Pretender).

(**) Мѣсто въ Шотландіи; тамъ находится также замокъ Бремаръ.

(***) Badpipe — особеннаго рода музыкальный инструментъ, употребляемый въ Шотландіи; онъ имѣетъ сходство съ нашею волынкою.

V.

Мелькнули лѣта, Лох-на-Гарръ, но очами
Тебя не привѣтствовалъ я;
Мелькнутъ и еще — но, быть можетъ, стопами
Не буду касаться тебя. . . .
Хотя на чело твое хладной рукою
Природа не сыплетъ цвѣтовъ,
Но ты и безъ нихъ разцвѣтаешь красою
Милѣй Албіонскихъ луговъ!
О Англія! нѣтъ, не доставятъ отрады
Всѣ прелести рощицъ твоихъ
Тому, кто взиралъ на сѣдыя громады
Разбросанныхъ горъ ледяныхъ,
Взбирался съ трудомъ на крутыя стремнины,
Лѣсистыхъ холмовъ высоты,
Кто видѣлъ суровой природы картины,
Развалины скалъ — красоты
Мрачнаго Лох-на-Гарра!

ФІАЛКА.

Гдѣ гибкій орѣшникъ сплетается съ ивой,
Фіалка подъ сѣнью вѣтвей
Цвѣтетъ, помрачая красою стыдливой
Цвѣты и садовъ и полей.

Какъ нѣжно листочковъ лазурныхъ блистанье
Подъ каплей жемчужной росы;
Но видѣлъ я очи: нѣжнѣй ихъ сіянье
Сквозь чистую перлу слезы!

Едва загорѣлось дневное свѣтило —
И высохла въ листьяхъ роса:
Не долѣй блестѣла въ очахъ моей милой
Разлуки печальной слеза.

ПЛАЧЬ ЯРОСЛАВНЫ.

Не голубки воркованіе
Разливается по рощицѣ:
Ярославны голосъ стелется
По стѣнамъ Путивля древняго.

»Гдѣ ты Игорь — радость, счастіе
Ярославны одинокія,
Какъ въ долинѣ ландышь вянущій?
Прилети веселой птичкою
На поля цвѣтущей родины,
Прилети въ мои объятія,
Осуши съ лица печальнаго,
Поцѣлуемъ слезы горькія. . . .
Ахъ! когда-бъ была я горлицей —
Полетѣла-бъ къ другу — голубю
Вдоль Дуная серебристаго;
Прилетѣлабъ въ поле ровное —
Тамъ крыломъ любви невинныя
У шатра въ лугу муравчатомъ

Обняла бы Князя милаго!
Отерла бы раны горькія
Рукавомъ бобровымъ съ ласкою!...
Вѣтеръ, вѣтеръ! Что съ насиліемъ
Вѣешь крыльями холодными?
Ахъ! зачѣмъ стрѣлу пернатую
Не отвѣялъ ты отъ Игоря?...
Ахъ! зачѣмъ мое веселіе
Ты развѣялъ рѣзво по лугу
Вмѣстѣ съ листьями поблекшими?
Малоль горъ крутыхъ — играть тебѣ
Съ облаками серебристыми;
Корабли лелѣя по морю
Вѣять въ парусы игривые?...
Солнце свѣтлое, прекрасное!
Всѣмъ ты мило, всѣмъ прелестно ты,
Всѣмъ сердцамъ блестишь ты радостью
На лазури неба чистаго!
Ахъ! зачѣмъ лучи каленые
Пролило на милыхъ воиновъ?...
Лукъ засохъ уныввшихъ ратниковъ,
Притупились стрѣлы острыя,
Щитъ и шлемъ покрыты пылію!...
Свѣтлый Днѣпръ! Рѣка широкая!
Ты пробилъ сквозь горы каменны
Путь въ предѣлы Половецкіе.
Ты лелѣялъ Святославовы
Ладіи — на бѣлыхъ парусахъ

Бѣлой, лебединой стаею
Разсѣкавшія поверхность водъ!
Ахъ! лелѣя на зыбяхъ своихъ
Ты неси ко мнѣ любезнаго —
Дабы съ утренней денницею
Или съ мѣсяцемъ серебрянными
Мнѣ не лить съ тоскою, горестью
Слезъ на волны моря синяго!...
Ахъ! когда бы знала бѣдная,
Что сразили друга — Игоря,
Не ходила бъ къ морю синему!
Не мочила бы боброваго
Рукава въ слезахъ катящихся!
Не смотрѣлабъ въ даль пустынную,
Не бѣлѣютъ ли тамъ парусы
Рѣзвымъ вѣтромъ воздымаемы!
Не лила бы слезъ потоками
На песокъ, на камни хладные!«

КЪ ПОСТУМУ.

Eheu! fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni ....

Ахъ! Постумъ, Постумъ, какъ мечта,
Какъ сновидѣніе, лѣта
Мелькаютъ быстро за лѣтами.
О другъ! ни горькими слезами,
Ни благочестьемъ, ни мольбами, —
Ни чѣмъ не отвратить сѣдинъ,
Брюзгливой старости морщинъ,
И смерти лютой, непреклонной.
Хотябъ ты каждый день рыдалъ
И предъ кумиромъ благовонной
Во храмѣ ладанъ возжигалъ;
Хотя бы триста закалалъ
Воловъ на олтарѣ Плутону:
Слезамъ твоимъ, обѣтамъ, стону,
Безжалостный не внемлетъ онъ.
Имъ въ царство тѣней заточенъ
И трехтѣлесный Геріонъ

И Тицій громомъ пораженный.
Тудажь за брегъ рѣки священной
~~Тудажь и насъ въ челнѣ~~
Умчитъ на вѣкъ отъ жизни бренной.
Всѣмъ — будь иль царь иль селянинъ —
Всѣмъ жребій равный, путь одинъ.
~~Тудажь, за брегъ рѣки священной,~~
~~Всѣхъ рано ль, поздно ли Харонъ~~
~~Умчитъ на вѣкъ отъ жизни бренной.~~
Вотще со страхомъ убѣгаешь
Кровавыхъ Марсовыхъ полей;
Вотще крылатою ладьей
Подъ воемъ бурь не разсѣкаешь
Кипящихъ Адріи валовъ;
Вотще укрылся въ теплой сѣни,
Когда съ полудня вѣтръ осенній
Летитъ съ грядами облаковъ:
Увидишь мрачный міръ Аида;
Гдѣ воды черныя клубитъ —
Струей лѣнивою Коцитъ,
Узришь безславныхъ Данаидъ,
Труды Сизифа-Эолида.
Оставишь нѣкогда луга,
Оставишь жатвы золотыя,
И Тибра пышные брега,
И пляски Грацій полевыя;
Супругу милую, и садъ,
Гдѣ плещетъ свѣтлый водопадъ

И вьется ручеекъ кристальный;
Оставишь все — и за тобой
Одинъ лишь кипарисъ печальный
Послѣдуетъ на холмъ пустой,
И будетъ, вѣчно зеленѣя,
Оплакивать у Мавзолея
Столь быстротечный жребій твой....
И скромный домъ осиротѣетъ,
И расточитель овладѣетъ
Богатствомъ скопленнымъ тобой;
Опустошитъ всѣ кладовыя,
Друзей на шумный пиръ сзоветъ;
Цѣдя въ Фіалы золотые
Цекубски вина дорогія,
Небрежно на полъ разольетъ. —

ЭЛЕГІЯ.

М. С. К..........ѣ.

Земля туманами одѣта,
Завялъ цвѣтистый, мягкій лугъ,
И ласточка, пѣвица лѣта,
Взвилась въ далекій, теплый Югъ.
Такъ радость жизни улетѣла,
Вспорхнулъ души небесный миръ,
И я угрюмъ, я мраченъ, сиръ;
И грудь изныла, охладѣла,
Мечты отъ сердца далеки,
И мразъ по жиламъ пробѣгаетъ.....
И только душу согрѣваетъ
Пожатье дружеской руки. —

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Роса озаренная алымъ сіяньемъ,
На нѣжномъ блеститъ василькѣ;
Картины цвѣтущей весны съ трепетаньемъ
Рисуются въ ясной рѣкѣ.

Прекрасны — источникъ, бѣгущій съ утеса,
И роща въ пурпурныхъ лучахъ;
И сладостенъ сонъ озлащеннаго лѣса,
Глубокій покой на поляхъ!

Прекрасна-златая звѣзда на огнистомъ,
Багряномъ краю облаковъ,
Кудрявая липа на холмѣ душистомъ
И риза цвѣтная луговъ!

Прекрасенъ въ долинѣ кустарникъ зеленый,
Увѣнчанный прудъ тростникомъ,
И сладко журчащій ручей, осѣненный
Развѣсистой ольхи шатромъ!...

Все тихо! лишь иволги въ рощѣ стенанье,
И звонкая трель соловья,
И гибкой осины листовъ трепетанье
Сливаются съ плескомъ ручья. . . . .

О сколь восхитителенъ вечеръ весенній —
Природы уснувшія видъ!
О какъ неизмѣнно любовь въ своей сѣни
Сонмъ тварей союзомъ хранитъ!

О сколь ты премудро, Благій и Всесильной!
Для счастія миръ сотворилъ!
И розы долины — съ улыбкой умильной
И сонмы горящихъ свѣтилъ.

Ты двинешь десницей — и листъ упадаетъ
На крыльяхъ Зефира съ кустовъ;
Ты двинешь — въ пространствѣ небесъ изчезаетъ
Система плывущихъ міровъ!

ПЛЯСКА.

Зри, какъ быстро четы волною игривой кружатся,
  Чуть досязая земли рѣзво-крылатой стопой!
Тѣни ли зрю я воздушныя, свергшія тѣла оковы?
  Эльфы ль въ сіяньи луны свѣтлою цѣпью плывутъ?
Какъ, зефиромъ колеблемый, дымъ струится летучій,
  Словно въ сребристыхъ зыбяхъ легкій колышется челнъ,
Скачетъ, топочетъ стопа подъ сладостный ладъ переливовъ;
  Рокотъ, бряцаніе струнъ живость вливаютъ въ тѣла.
Вотъ, какъ будто стремясь расторгнуть цѣпь хоровода,
  Тамъ, въ стѣснившійся рядъ мчится отважно чета.
Быстро предъ ней разступается ходъ, исчезая за нею;
  Словно волшебнымъ жезломъ вдругъ заграждается путь.
Мигомъ отъ взоровъ она потерялась; въ смятеніи дикомъ
  Гибнетъ плѣнительный строй, двигаясь рушится міръ.

Нѣтъ, тамъ ликуя несется она; развивается узелъ;
Лишь въ измѣненной красѣ вновь учреждается чинъ.
Рушася вѣчно, зиждется вѣчно, вращаясь, творенье;
Тайный законъ естества правитъ игрой перемѣнъ.
Но отъ чего же, вѣщай, непрестанно зыблются лики
И въ движеньи существъ царствуетъ вѣчный покой?
Всякъ владыка, свободенъ, лишь сердца внушенью подвластенъ,
И скоротечно спѣшитъ общей, извѣстной стезей?
Хочешь ли знать? То уставъ Гармоніи — мощной богини:
Дружною пляской она буйный смиряетъ скачокъ;
Какъ Немезида, златой сладкозвучья уздой укрощаетъ
Дикую радость души, пылкій, кипящій восторгъ.
Или вотще для тебя рокочетъ музыка вселенной?
Иль не чаруетъ тебя стройнаго пѣнья потокъ?
Ни восхитительный ладъ, согласіе чудное тварей,
Ни круговой хороводъ, плавно въ пространствахъ небесъ
Свѣтлыя солнцы вратящій на поприщахъ, смѣло извитыхъ?
Мѣры, хранимой въ игрѣ, въ дѣйствіяхъ ты не блюдешь.

ДУМА ЗЛОДѢЯ.

Какъ въ морѣ бьется утлый челнъ,
Такъ я волнуюсь страстью!
Какъ въ небесахъ ужасный громъ
По тучамъ пробѣгаетъ,
Такъ надъ моей главой гремитъ
Отмстительница-кара!
Ахъ яростныхъ судебъ удара
Никто, ничто не отразитъ.....
Исчезну я — но преступленья
Пребудутъ въ вѣкъ позоръ людей!
И сладкій міръ успокоенья
Найдуль въ обители тѣней!
Ахъ, нѣтъ! мой гнусный прахъ истлѣетъ —
Но черной жизни моея
Дыханье смерти не развѣетъ:
Дѣла безсмертны, какъ и я. —

ДѢВА ИЗЪ ЧУЖБИНЫ.

Когда природа разцвѣтала
И раннiй жаворонокъ пѣлъ;
Незапно дѣва посѣщала
Долину — пастырей удѣлъ.
Она родилась не въ долинѣ;
Отколѣ гость, никто не зналъ;
Но лишь скрывалась, какъ въ пустынѣ
Слѣдъ дѣвы скоро изчезалъ.
Все въ ней влекло, обворожало
Лился восторгъ съ ея очей:
Но сердце млѣло, трепетало,
Благоговѣло передъ ней.
Она цвѣты, плоды носила,
Взлелѣянны въ странѣ иной,
Лучемъ не нашего свѣтила,
Не нашей красною весной;
И гости къ ней текли толпами,
И дѣва щедрою рукой
Дарила юношу цвѣтами!

Плодами старца надъ клюкой.
И были всѣ той дѣвѣ рады;
Но для стыдливыя четы
Хранились лучшія награды —
И всѣхъ румянѣе цвѣты. —

ПѢСНЬ ЛЮБВИ (*).

На новый 1830 годъ.

Снова мы стеклись, о братія,
Всѣ въ одинъ семейный кругъ;
Снова теплыя объятія
Отверзаетъ другу другъ.
Соплетемъ же красной младости
Пѣснопѣнія вѣнецъ,
Освятимъ для горней радости
Храмы дольніе сердецъ!

Было время: одинокою
Каждый странствовалъ тропой,
Сквозь туманъ и глушь далекою
Увлекаемый звѣздой.
Но Грядый незримо съ чадами
Слилъ пути въ единый путь:
Взгляды встрѣтилися взглядами
И къ груди прижалась грудь.

(*) Читано въ собраніи профессорскаго Института, при празднованіи Новаго года.

Духомъ втайнѣ прореченное
Въ милый образъ облеклось,
И свѣтило вожделенное,
Всѣмъ единое, зажглось.
То свѣтило незакатное
Мы любовію гласимъ:
Чье-то око благодатное
Въ наше сердце смотритъ имъ.

Какъ отъ странъ грѣхопаденія,
Гдѣ земный отцвѣлъ эдемъ,
Вѣстникъ шествовалъ спасенія
Къ яслямъ Бога въ Виѳлеемъ
И, ~~колебляясь~~ утѣшительно,
Разливалъ нетлѣнный свѣтъ;
Полны радости живительной,
Мудрецы текли во слѣдъ:

Такъ изъ бреннаго отечества,
Гости міра, мы грядемъ
Къ колыбели человѣчества
Въ невѣтшающій эдемъ.....
Вихремъ дни за днями рѣются,
Молніей мелкаетъ годъ....
Скоро, скоро!....мраки сѣются...
Утро!... Путники, впередъ!

Дышетъ въ лица распаленныя
Намъ разсвѣтный вѣтерокъ,
Ро̀сы путь кропятъ студеныя,
Розами горитъ востокъ. . . . .
И внезапно въ блескѣ велiемъ
Станетъ вождь верху гробовъ,
И взыграемъ мы веселiемъ
И въ убогiй ~~впадемъ ровъ~~. Внидемъ гробъ

Ахъ! тамъ солнца пренебеснаго
Возсiяетъ полный ликъ!
Меркнетъ ока лучь тѣлеснаго,
Цѣпенѣетъ нашъ языкъ! . . . .
Но еще мы з ѣсь, о братiя!
Насъ земный стѣсняетъ кругъ!
Пусть же въ теплыя объятiя
Заключаетъ друга другъ!

СПОКОЙСТВІЕ.

Холмится бурей водъ равнина,
Кипятъ валы, реветъ пучина
И звѣздъ сопутницъ меркнетъ свѣтъ.
Пловецъ трепещетъ устрашенной,
Блѣднѣетъ — и мольбой смиренной
Съ небесъ спокойствіе зоветъ.
Герой въ пылу кипящей брани
Страшится блещущихъ мечей,
Вздыхаетъ, и подъемля длани,
Зоветъ покой душѣ своей.

Но лишь желанія свершились,
Лишь бурны вѣтры укротились,
Вновь моря зыбь пловецъ браздитъ.
Недавнимъ боемъ утомленный
За лаврами, за новой славой
Герой опять на смерть спѣшитъ.
Спокойствіе, тебя желаемъ
И въ часъ, когда тебя бѣжимъ!
Съ тобою смерть мы презираемъ
И отъ тебя — къ тебѣ жъ летимъ.

Здѣсь Царь на ложѣ позлащенномъ:
Безмолвно, въ трепетѣ священномъ,
Окрестъ не дремлетъ воевъ строй,
Но царь боязнію томится,
Онъ стонетъ; ночь во вздохахъ длится —
И надъ вѣнчанною главой
Не вѣетъ сладкій сонъ крилами;
Отъ томныхъ вѣждъ покой бѣжитъ;
Царь бдитъ еще, когда лучами
Денница горъ верхи златитъ.

Тамъ пастырь на коверъ зеленый
Безпечно простираетъ члены;
Какъ лугъ, душа его ясна,
Гдѣ лишь зефиръ въ листахъ играетъ
И въ перловой росѣ сверкаетъ
Сіяньемъ брежжущимъ луна.
Не движутъ сердца въ немъ заботы;
Ни замыслъ суетный, ни страхъ
Не возмутятъ его дремоты:
Онъ зритъ Дориду и въ мечтахъ.

Покой летитъ отъ водъ бурливыхъ;
Летитъ отъ замковъ горделивыхъ;
Летитъ отъ славы и честей;
Отъ сонма ратниковъ несется;
Тиранновъ лютости смѣется;
Безцѣннѣй діадимъ царей —

Онъ любитъ жить въ семьѣ невинныхъ,
Простосердечныхъ пастуховъ;
Въ укромныхъ шалашахъ пустынныхъ,
На брегѣ свѣтлыхъ ручейковъ.

Когда еще при чистыхъ нравахъ
Блуждали пастыри въ дубравахъ,
Цвѣло довольствіе и миръ;
Средь рощицъ вѣрность обитала,
Душа корысти не алкала,
Не вѣдомъ былъ похвалъ кумиръ.
Жизнь пастыря утѣхи длили;
Являлась смерть какъ милый другъ;
Стада — его народы были,
Чертоги — куща, царство — лугъ.

Отъ хищныхъ взоровъ скрыто мглою,
Желѣзо спало подъ землею
И злато, пагубный металлъ.
Не обнажался мечь блестящій,
Трубы военной гласъ гремящій
Сердецъ на бой не воспалялъ.
Кровавыхъ браней вихрь бурливый
На мирныхъ долахъ не шумѣлъ,
Пастухъ цѣвницею игривой
Еще любовь и дружбу пѣлъ.

Но измѣнился ликъ природы:
Любви, согласья, мира годы
Какъ сонъ прелестный утекли.
Временъ владычица блаженныхъ,
Навѣкъ отъ смертныхъ развращенныхъ,
Сокрылась Истинна съ земли;
И ей во слѣдъ вспорхнулъ гонимый
Мечемъ и золотомъ, покой:
И только мудрецу незримо
Онъ возвращаетъ вѣкъ златой.

Тщетъ кто выю не склоняетъ;
Для жизни — смерть воспоминаетъ,
Для смерти — въ правдѣ жизнь блюдетъ.
Согласный съ міромъ и съ собою,
Не бременитъ небесъ мольбою:
Въ немъ, что другой отъ неба ждетъ.
Едина доблесть насъ возноситъ,
Мзду токмо въ ней мы обрѣтемъ,
Тотъ кто, стяжавъ вѣнецъ, отброситъ,
Какимъ украсится вѣнцемъ?

Тотъ истый царь, кто правъ душою,
Кто страсти оковалъ уздою,
Кто въ очи смерти хладно зритъ.
Въ немъ тотъ же духъ подъ небомъ чистымъ,
Или когда покровомъ мглистымъ
Свѣтило дня гроза мрачитъ.

Пусть рухнетъ волей провидѣнья
Ось мірозданья надъ главой,
При грозномъ трескѣ разрушенья
Не возмятется онъ душой.

Земля, вращаясь круговою
Творцемъ начертанной стезею,
Обрящетъ въ пламени конецъ.
Исчезнутъ звѣздъ несмѣтныхъ хоры,
Раздастся вопль: обрушьтесь горы!
Но не восплачется мудрецъ.
Треща сводъ неба сокрушится,
Луны и солнца смеркнетъ свѣтъ.
Вновь Хаосъ ветхій воцарится:
Господь восхощетъ — міръ прейдетъ.

Что зрю я? Мраки расточились!
Что зрю я? Солнцы воспалились
И новыхъ сферъ катится строй!
Се! громъ трубы къ суду сзываетъ —
Расторглась нощь — перунъ сверкаетъ!
О мудрость, се зрю образъ твой!
Ты истины друзей стремишься
Отвлечь отъ яростныхъ громовъ;
Ты длань простреньъ имъ и помчишься
Сквозь лучезарный кругъ міровъ.

ДРЕВНЯЯ

ГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

I.

Шествуйте, Еллиновъ чада!
Бранное время пришло!
Не мы-ль свободы ограда?
Мы ли понизимъ чело?
Явимся местью отчизны,
Свергнемъ тиранства яремъ;
Не опозоримъ сей жизни!
Други, сразимъ иль умремъ!
    Къ мечамъ; сыны свободы! въ бой
    Съ свирѣпыми врагами!
    Прольемъ ихъ черну кровь рѣкой,
    Самихъ попремъ стопами!

II.

Спарта, ты спишь — и оковы
Грудь бременятъ: о, воспрянь!
Кликни Аѳинамъ: » почто вы
Дремлете! Идемъ на брань! «
Пусть на семъ подвигѣ смѣломъ
Будетъ и жезлъ вашъ и щитъ
Доблій душою и дѣломъ
Храбрый герой — Леонидъ!
Къ мечамъ, сыны свободы! Въ бой
Съ свирѣпыми врагами!
Прольемъ ихъ черну кровь рѣкой,
Самихъ попремъ стопами!

III.

Вспомните: онъ Ѳермопилы
Своею славой огласилъ;
Персовъ несмѣтныя силы
Съ горстью своихъ сокрушилъ,
Отдалъ свободѣ священной
Радостно жизнь онъ свою,
Храбро, какъ левъ разъяренной,
Палъ на кровавомъ бою.
Къ мечамъ, сыны свободы! Въ бо
Съ свирѣпыми врагами!
Прольемъ ихъ черну кровь рѣкой!
Самихъ попремъ стопами!

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ.

Оставляю кровъ безцѣнный,
Гдѣ цвѣтетъ моя любовь,
И бреду, уединенный,
Въ глубь таинственныхъ лѣсовъ.
Мѣсяцъ дубы осребряетъ,
Зефиръ дышетъ по цвѣтамъ
И съ березъ густыхъ свѣваетъ
Надъ поляной фиміамъ.

О, съ какимъ восторгомъ сладость,
Нѣгу лѣтней ночи пью!
О какъ быстро льется радость
Въ душу грустную мою!
Сердце бьется чаще, чаще. . . .
Но съ любезною моей
Ночь одна, прелестнѣй, слаще
Тысячи такихъ ночей.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

Гдѣ вечеромъ осина
Трепещетъ надъ прудомъ,
Гдѣ ѳиміамъ ясмина
Развѣянъ вѣтеркомъ:
Съ калиткою плетеной,
Рисуясь въ лонѣ водъ,
Вкругъ хижины смиренной
Укромный садъ цвѣтетъ.

Отъ бурнаго волненья
Спѣшу къ тебѣ назадъ
Подъ кровъ успокоенья,
Родимый тихій садъ!
Привѣтствую съ слезами
Васъ, холмы и поля,
Гдѣ, радостными днями
Текла весна моя!

Вотъ мрачныя березы
Спокойствія пріютъ;
Сія гряда, гдѣ розы
Съ гвоздиками цвѣтутъ;
Сей съ желтою крапивой
На кровлѣ мохъ сѣдой;
Колодезь; говорливый
Источникъ подъ травой;

Рядъ ульевъ: пчелъ жужжанье,
Калитки ветхой скрипъ,
Голубокъ воркованье
И шопотъ древнихъ липъ:
Все здѣсь краснорѣчиво,
Все въ душу сладость льетъ,
Все юности счастливой
Дни сердцу отдаетъ!

О ты, чей жезлъ свергаетъ
Съ минувшаго покровъ,
Чей голосъ вызываетъ
Изъ гроба рядъ вѣковъ,
Мечта! укрась цвѣтами
Былыхъ восторговъ слѣдъ
И озари лучами
Тропинку майскихъ лѣтъ.

Зрю дубы вѣковые
Брегъ шелковый ручья,
Гдѣ ощутилъ впервые
И грусть и радость я;
Поляну подъ горою,
Гдѣ, у сребристыхъ водъ,
Подъ звукъ рожка, весною
Кружился хороводъ;

Засѣку, гдѣ какъ Флора,
Лилета, цвѣтъ села,
Фіялки для убора
И ландыши рвала;
И прудъ, гдѣ я рѣзвился
По злачнымъ берегамъ,
Когда мой флотъ носился
По зеркальнымъ струямъ.

Здѣсь, гдѣ колосья нивы
Волнуетъ вѣтерокъ,
Овсянокъ въ чащѣ ивы
Мой обольщалъ силокъ,
Тамъ въ рощицѣ тѣнистой
Я иволгѣ внималъ,
Тамъ на травѣ цвѣтистой
Изъ вѣтвей воздвигалъ

Прохладныя палаты
Въ кустахъ, у ручейка;
Здѣсь съ трескомъ змѣй крылатый
Летѣлъ подъ облака;
Тутъ на коврѣ зеленомъ
Гонялъ я мотыльковъ;
Тамъ плелъ подъ мшистымъ кленомъ
Вѣнки изъ васильковъ.

Вотъ школа съ повиликой
Плющь вьется по стѣнамъ:
Здѣсь грозный дьякъ — владыкой
Міровъ казался намъ.
Тамъ у пруда, подъ тѣнью
Дубовая скамья,
Гдѣ яйцы въ *Воскресенье*
Каталъ съ друзьями я.

Вотъ яворовъ подъ сѣнью
Кладбище, рядъ могилъ:
Здѣсь, преданъ размышленью,
Я при лунѣ бродилъ,
Бесѣдовалъ съ гробами,
Ихъ тайный гласъ внималъ —
И съ жаркими слезами
Крестъ матери лобзалъ;

Помостъ, гдѣ посѣдѣлой
Герой, на костыляхъ,
Съ улыбкою веселой
И съ пламенемъ въ очахъ
Про лѣтъ старинныхъ славу
Повѣствовать любилъ,
Про Рымникъ, про Варшаву
И гордый Измаилъ.

Гумно, гдѣ подъ игривой
Звонъ цитры, межъ снопов҄ъ,
Съ подругою стыдливой
Въ вѣнкѣ изъ васильковъ
И классовъ, жнецъ прелестный,
Какъ юный Фавнъ, плясалъ;
И хоръ селянъ окрестный
Цереру воспѣвалъ.

Вотъ на лугахъ зеленыхъ
Душистыя скирды
И мѣльницъ окриленныхъ
Веселые ряды;
Озерко межъ кустами,
Гдѣ зыблется тростникъ
И плещется струями
Порхающій куликъ.

Вотъ холмъ: съ зарей багряной
Здѣсь жаворонокъ трелилъ;
И гулко надъ поляной
Пастухъ въ рожокъ трубилъ....
Въ долинѣ, подлѣ рощи,
Гдѣ соловей свисталъ,
Подъ кровомъ лунной нощи
Былъ мой ѳеатръ и балъ.

Клубъ радужныя пѣны
Былъ краше и свѣтлѣй,
Чѣмъ пурпуръ многоцѣнный
И перлы богачей.
Бесѣдка, гдѣ я крылся
Въ полдневный сильный зной,
И въ забытьи стремился
Въ волшебный міръ мечтой.

Тамъ зрѣлъ я окриленныхъ
Змей, дышущихъ огнемъ,
И карликовъ зеленыхъ
Съ алмазнымъ копіемъ.
Прудъ-океанъ сердитый,
Шалашъ — былъ замокъ фей,
Вѣтьвъ — конь златокопытый,
Волшебникъ — соловей.

Тогда, заботъ не зная,
Какъ ландышъ полевой
Я росъ, благословляя
Завидный жребiй свой;
И дни мои златились
Веселiемъ одимъ,
И слезы не катились
Въ желаньи видѣть Римъ,

Рафаеля картины,
Швейцарiи снѣга,
Неаполя долины
И Рейнскiе брега;
Ихъ замѣняли: злачный
Пригорокъ иль лужокъ,
Фiялки, ключь прозрачный
И желтый мотылекъ.

Ахъ! если вспомню младость,
Всю прелесть игръ златыхъ,
Невинность сердца, сладость
Восторговъ молодыхъ;
Сколь тяжко воздыхаетъ
Грудь томная моя!
Такъ вѣтеръ колыхаетъ
Зыбь гладкаго ручья.

Ахъ! быстро улетѣли,
Вы, дни весны моей!
Отъ мирной колыбели
До гробовыхъ дверей
Что съ вами, что сравнится?...
О благо свѣтлыхъ дней!
Слеза моя катится
Невольно изъ очей!...

О родины долины!
Вы, холмы, вы, луга!
Ахъ, Альповъ ли вершины,
Пенея ли брега,
Иль рощи Кашемира
Замѣнятъ васъ собой?
Тебя, обитель мира,
Невинности святой?

На снѣжныя стремнины
Въ предѣлы чуждыхъ странъ,
На бурныя пучины
Въ свирѣпый океанъ,
Въ прiютъ уединенья,
Ко мнѣ въ мечтахъ златыхъ,
Глаголы утѣшенья
Летятъ съ полей родныхъ.

Когда не озаряетъ
Мглу ночи ликъ луны,
И эхо повторяетъ
Мой стонъ средь тишины;
Съ небесъ отчизны льется
Ко мнѣ покоя лучь:
Такъ алая смѣется
Денница послѣ тучь.

Бразди моря ладьею
Какъ Магелланъ и Кукъ;
Безвѣстною стезею
Пройди во храмъ наукъ;
Вижль ликъ твой изваянный
Во мраморѣ, въ мѣди;
Спи, нѣгой обаянный,
Киприды на груди;

Державъ, племенъ властитель,
Правь думами царей;
Будь Перу повелитель;
Голкондою владѣй;
Всѣ лавры, всѣ короны
Владыкъ земныхъ стяжай;
Всѣмъ чѣмъ сіяютъ троны,
Единый ты сіяй:

Ахъ! тщетно! Рой жужжащій
Заботъ летитъ съ тобой;
Вездѣ: въ чертогъ блестящій,
Въ моря, въ кровавый бой!
Звучитъ весельемъ лира —
Но гдѣ мечты твои?...
Ахъ въ свѣтлый кубокъ пира
Слезъ точатся струи....

Ты презрѣлъ шумъ военный:
Тоска мрачитъ твой взоръ;
Безсмертьемъ озаренный,
На льды Алпійскихъ горъ
При плескахъ ты восходишь:
Но скорбь — тебѣ во слѣдъ,
И счастья не находишь
Средь лавровъ и побѣдъ!

Почто же, въ дальни страны —
Безумные летимъ?
Изплававъ океаны
Себя ли убѣжимъ?
Ахъ! счастье насъ лелѣетъ
Лишь въ родинѣ святой,
Дыханье мира вѣетъ,
Вкругъ юности одной!

Какъ роза молодая,
Какъ зеркало ручья,
Какъ радуга златая
Прелестны дни ея!
Съ невинностью играетъ
Богъ времени сѣдой,
Но ей не развиваетъ
Священный свитокъ свой.

Ахъ! Стикса брегъ ужасный —
Брегъ нашихъ всѣхъ страстей;
Блеснетъ лишь Весперъ ясный —
Конецъ мечтамъ дѣтей!
Насъ туча устрашаетъ:
Невинность межъ цвѣтовъ
Съ улыбкой засыпаетъ
Подъ рокотомъ громовъ!

КЪ ДРУГУ,

(во время грозы).

Пусть съ ужасомъ блѣднымъ порокъ боязливый
Въ ущелія темныхъ вертеповъ летитъ,
И мщенья трепещетъ судьбы справедливой,
Что въ пламенныхъ тучахъ по небу паритъ.

Съ высотъ осѣненная мощной рукою,
То бурю кротящей, то вержущей громъ,
Стоитъ, какъ въ сіяніи дня подъ грозою,
Осклабяся Доблесть съ подъятымъ челомъ.

Въ перунахъ, сѣкущихъ померкшіе своды,
Въ борющихся вихряхъ, въ стенаньи дубровъ,
Ей слышатся тѣже глаголы природы,
Какъ въ шорохѣ зыблющихъ злакъ ветерковъ.

Изрыто премѣнами поприще свѣта;
Несчетно вiется наономъ путей;
Но вѣчна одна провидѣнiя мѣта:
Вiются стези — и сливаются въ ней.

Всеобщее благо равно пламенѣетъ
Въ свѣтилахъ, надъ синимъ эфиромъ горитъ;
Какъ въ розѣ нагбенной росою алѣетъ,
Иль въ нѣжныхъ малиновки треляхъ звучитъ.

Во вѣкъ да не тмитъ, о мой другъ не забвенный,
Души твоей свѣтлой, мечтательный страхъ:
Эгидой ума отъ тебя отраженный
Пускай онъ гнѣздится въ растлѣнныхъ сердцахъ.

Да нѣжно хранитъ тебя горняя сила,
И дни твои въ радужномъ блескѣ текутъ;
Да Ангелы окрестъ лазурныя крила,
Какъ сѣнь надъ главою твоей распрострутъ.

Когда по безбрежнымъ пучинамъ творенья
Послѣднiй прокатится рокотъ громовъ;
Разстроитъ согласныя звѣздъ пѣснопѣнья,
И мертвыхъ воздвигнетъ подъ склепомъ гробовъ:

Спокойно да узришь съ отрадой священной,
Конечную бурю, сквозь вихри огня,
Сквозь пепелъ и дымъ, по обломкамъ вселенной
Ведущую въ свѣтъ невечерняго дня!

КЪ МЕЛЬПОМЕНѢ.

Quem tu, Melpomene, ...

Кто нѣжный и ласковый взоръ Мельпомены
Привѣтствовалъ первой улыбкой очей:
Того не украситъ листъ дуба зеленый
На играхъ Истмійскихъ; не узритъ Алфей
Его колесницы; и прахъ воздымая
По звонкому полю столпомъ отъ копытъ,
Соперниковъ гордо вдали оставляя,
Конь быстрый къ побѣдѣ его не примчитъ;
Увѣнчанный лавромъ, съ корыстью военной,
Поправши кичливость крамольныхъ владыкъ,
Не вступитъ герой въ Капитолій священной,
Внимая народные плески и крикъ: —
Но въ Тибурѣ смирномъ, въ объятьяхъ свободы,
Кудрявыя рощи и зелень луговъ
И тихихъ ключей свѣтлоструйныя воды
Вдохнутъ въ него къ сельской цѣвницѣ любовь.

Вселенной властителя чада, квириты,
Плѣняются лирой моей; я вступилъ
Въ любимые хоры пѣвцовъ знаменитыхъ,
И зависти стрѣлы сей щитъ притупилъ.
О муза, лiющая рѣзвой игрою
Волшебные звуки по арфамъ златымъ,
Ты, властная дать прихотливой рукою
Гласъ лебедя сладостный рыбамъ нѣмымъ!
Твой даръ, о Богиня, твой даръ, что повсюду
Въ устахъ повторяется имя мое:
Что въ дальнемъ потомствѣ забытъ я не буду,
Что нравлюсь при жизни (коль нравлюсь) — твое!

СТАНСЫ.

М. С. К—ѣ.

Не сбылись мечтанья младости,
Сны златые майскихъ дней!
Не цвѣтутъ мнѣ въ жизни радости
Нѣтъ утѣхъ душѣ моей!

Закатилось солнце ясное
Озарявшее мой путь;
И небесное, прекрасное,
Хладную не грѣетъ грудь.

Не плѣняетъ даль картинами,
Чувство славы умерло,
И уныльми морщинами
Обложилося чело.

Мучусь грустью безотрадною,
Ахъ! я гнѣвъ судьбы позналъ!
Рано опытъ дланью хладною
Сердце бѣдное сковалъ.

Лишь одною тихой лирою
Услаждаю злой недугъ;
Лишь не сиръ душою сирою —
Близь тебя, мой милый другъ!

МОГУЩЕСТВО

ПѢСНОПѢНІЯ.

Какъ ярый громъ, изъ щелей горныхъ
Грядетъ потокъ, сынъ грозъ и льдовъ;
Крутятся скалы въ хлябахъ чорныхъ,
Могучесть вержется дубовъ;
И млѣетъ путникъ и трепещетъ,
Падущихъ ревомъ водъ плѣненъ;
Онъ слышитъ: валъ съ утеса хлещетъ,
Но гдѣ, не вѣстъ, зачался онъ;
Такъ пѣснь клубится быстротечно
Изъ темной глубины сердечной!
Завѣту страшныхъ силъ причастный,
Віющихъ втайнѣ жизни прядь,
Кто отразитъ пѣвца всевластный
Глаголъ? кто сломитъ чаръ печать?
Какъ Эрмій, души упасаетъ
Необоримымъ онъ жезломъ:

То въ царство смерти погружаетъ,
То мчитъ горѣ въ надзвѣздный домъ,
То въ синевахъ подъ облаками
Ширяетъ стройно лебедями.
Когда ликующихъ въ средину
Ужасный великанъ, порой
Таинственно, духовъ по чину,
Неслышной внидетъ Рокъ стопой:
Пришельцу отъ инаго міра
Челомъ земныя чести бьютъ,
Кимвальный звонъ и говоръ пира
Замретъ, личины въ прахъ падутъ,
И изчезаютъ лжей творенья
Отъ мощной правды мановенья.
Такъ, рокотъ струнъ внемля призывный,
Вмигъ отрясаетъ персть сует
И, облеченъ въ санъ духа дивный,
Къ безсмертнымъ смертный въ ликъ грядетъ;
Онъ вѣчныхъ слово чтитъ скрижалей,
Земная власть предъ нимъ молчитъ,
Ни шумъ заботъ, ни стонъ печалей
Къ безстрастному не долетитъ;
Святымъ горящій вдохновеньемъ,
Онъ надъ судьбой стоитъ и тлѣньемъ.
И какъ, по грусти безнадежной,
По черныхъ сиротства годахъ,
На сердце родшей, каясь нѣжно,
Въ горючихъ сынъ падетъ слезахъ:

Такъ дѣтства къ сѣнямъ пѣснь родная,
Невинности въ блаженный садъ,
Изъ дальня чуждыхъ нравовъ края
Приводитъ бѣглеца назадъ,
Да чистой вкуситъ вновь свободы,
Согрѣтый у груди природы.

МОГИЛА.

Сладко спать въ гробѣ мягкомъ, дерновомъ!
Мракъ и безмолвіе тамъ!
Онъ застилаетъ чернымъ покровомъ
Міръ незнакомый сердцамъ.

Въ нѣдрахъ могилы не раздается
Нѣжная пѣснь соловьевъ;
Съ томнымъ журчаньемъ въ зелени вьется
Чистый ручей межъ цвѣтовъ.

Вѣрная дружба свѣжія розы
Сыплетъ съ любовью на мохъ;
Тщетно на камень катятся слезы;
Тщетно унынія вздохъ

Къ милому другу въ гробъ посылаютъ
Юныя дѣвы весны!...
Вопли младенцевъ не долетаютъ
Въ край безотвѣтной страны!...

Гдѣ же въ сей жизни сладостный, милый —
Гдѣжь обитаетъ покой?...
Ахъ! лишь вратами мрачной могилы
Входимъ мы въ край золотой!...

Сердце колеблютъ бури въ сей жизни:
Въ ней лишь несчастье одно!
Сердца миръ сладкій — въ лонѣ отчизны,
Тамъ, гдѣ не бьется оно!...

ДѢТСТВО.

Пурпуромъ пылаетъ
Облаковъ гряда;
Ласково сіяетъ
Вечера звѣзда;
Нѣжной Филомелы
Льется въ рощѣ трель;
Въ хороводъ веселый
Нимфъ зоветъ свирѣль:
Ахъ! Въ сей часъ отрады
Устремляю я
Горестные взгляды
Къ вамъ — утѣхъ семья,
Радости былыя,
Счастія привѣтъ,
Игры золотыя —
Прелесть Майскихъ лѣтъ.

Сумракъ разступился,
Надъ рѣкою боръ
Черный озарился;
Сквозь туманный флеръ
Вновь луна сверкаетъ
Перлами лучей:
Такъ порой слетаетъ
Мракъ съ души моей, —
Въ часъ, когда блистая
Прелестію дня
Гостья неземная
Посѣтитъ меня,
Нѣжно улыбнется
Словно дочь весны, —
И опять сольется
Съ мглою старины.

Сколь прелестенъ въ бѣлой
Ризѣ и въ вѣнкѣ,
Съ розой облетѣлой,
Съ лиліей въ рукѣ,
Мирный смерти Геній;
Дѣтства милый братъ,
Чистыхъ наслажденій
Красящій закатъ!
Юность насъ плѣняетъ
Какъ зари восходъ;

Какъ сквозь дымъ мерцаетъ
Ночь съ толпой заботъ;
Тамъ въ странѣ прекрасной
Чище дня разсвѣтъ,
За денницей ясной
Вечеръ не придетъ. —

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Лампада брежжетъ; у окна
Бушуетъ вѣтеръ хладный;
Вокругъ все спитъ; лишь я безъ сна
Съ тоскою безотрадной. —

Сверчекъ за печкою кричитъ,
Молчанье прерывая;
И вѣщій маятникъ звучитъ,
Мнѣ смерть напоминая.

Склонивши голову сижу,
И съ горькою слезою,
Былое счастіе бужу
Угрюмою мечтою. —

Ахъ! нѣтъ сновъ жизни золотыхъ!
Нѣтъ радостей летучихъ!
И жизнь сія — едваль и сихъ
Достойна слезъ горючихъ.

Внимай какъ въ стекла градъ дробитъ,
Какъ вихорь завываетъ,
Какъ листья желтые клубитъ,
И ясени качаетъ.

Листокъ валится за листкомъ:
Такъ вянутъ наслажденья!
Ахъ! скороль въ вихрѣ роковомъ
Я скроюсь въ гробъ забвенья?

ВЪ АЛЬБОМЪ КЪ СЕСТРѢ.

Когда бы далъ мнѣ Аполлонъ
Волшебный, сладкій гласъ Орфея:
Восторгомъ чистымъ пламенѣя,
Взлетѣлъ бы я на Геликонъ —
И тамъ, надъ свѣтлыми струями,
Возсѣвъ на злачный дернъ подъ тѣнь,
Я громозвучными стихами
Воспѣлъ бы сей священный день!
Но мнѣ безвѣстно вдохновенье,
Мнѣ не сіяетъ Феба свѣтъ;
Лишь изрѣдка воображенье
Стремитъ къ высокому полетъ!...
Прими-жь простое изліянье
Моей чувствительной души:
Какъ лилія, благоуханье
Лія вокругъ, цвѣтетъ въ глуши,
Цвѣти ты здравіемъ, красою!
Да ввѣкъ душа твоя не вянетъ,

Но быть во вѣки не престанетъ
Какъ утро мая — весела.
Надежда ввѣкъ да незабудетъ:
» Я счастье, радость — всѣхъ сердецъ! «
Вся жизнь, скажу я наконецъ,
Вся жизнь твоя всегда да будетъ
Плѣнительна, какъ ропотъ струй,
Свѣтла какъ ручеекъ прозрачный,
И сладостна какъ первый брачный —
Сердецъ сліянье — поцѣлуй!

БОГУ.

Тому ли, кѣмъ Альпы взнесенны къ звѣздамъ
Сквозь тучи, орканамъ смѣясь и громамъ,
        Глядятъ на бѣгущіе вѣки,
Тому-ль орошенные потомъ, въ пыли,
Исторгнувши мраморъ изъ сердца земли,
        Вы зиждите храмъ, человѣки?
Воззрите горѣ! Не въ чертогъ ли святой
Скругляется небо, гдѣ онъ лѣпотой
        И славою въ солнцахъ сіяетъ?
Что тлѣнна обитель предъ вѣчнымъ Творцомъ?
Онъ былъ, онъ пребудетъ: ее же крыломъ
        Летящее время стираетъ!
Взираемъ! Паритъ мірозданія Царь
На крыльяхъ грозы, но стоитъ нашъ Олтарь,
        Куря ѳиміамъ Всеблагому,
Кто нѣжно и дольніе терны раститъ,
Кринъ сильный питаетъ и влагу даритъ,
        Какъ морю, ключу луговому.

ПѢВЕЦЪ.

Чей гласъ звучитъ тамъ, слышу я,
У моста предъ вратами?
Пусть снова въ залѣ пѣснь сія
Раздастся передъ нами!
Такъ Царь вѣщалъ — и пажъ летитъ,
Явился пажъ, царь говоритъ:
Впустить въ чертоги старца!

Привѣтствую тебя, соборъ
Героевъ и прелестныхъ!
Что зрю? Се звѣздъ несмѣтный хоръ!
Се вождь свѣтилъ небесныхъ!
Се красоты и славы храмъ!...
Закройтесь, очи! нѣтъ, не вамъ
Въ семъ храмѣ наслаждаться!

Пѣвецъ склонилъ на арфу взглядъ;
Зарокотали струны —
И души рыцарей кипятъ,
И млѣютъ дѣвы юны.

Умолкъ. Доволенъ Царь игрой,
И цѣпью повелѣлъ златой
Украсить выю старца.

Не мнѣ златую цѣпь сію!
Цѣпь — рыцарямъ могучимъ:
Предъ ихъ лицемъ — мечи въ бою
И копій лѣсъ дремучій;
Цѣпь канцлеру златую дай:
Подъ бременемъ заботъ — пускай
Еще златое носитъ.

Какъ птица на вѣтвяхъ пою;
И птицѣ пѣснь — отрада;
И пѣснь моя — за пѣснь мою
Богатая награда.
Просить дерзну ли объ одномъ!
Вели кипящую виномъ
Поднесть златую чашу.

Онъ взялъ и осушилось дно:
О, нектаръ — сердца сладость!
О, благо дому, гдѣ вино
Послѣдняя есть радость!
При счастьи вспомните пѣвца,
И восхвалите такъ Творца,
Какъ я васъ восхваляю.

КЪ ГРОСФУ.

Otium Divos rogat. . . .

Пловецъ о покоѣ Боговъ умоляетъ,
Когда воздымаяся волны шумятъ,
И грозная туча луну помрачаетъ,
И вѣрныя звѣзды во мглѣ не горятъ.

Сынъ Өракіи храбрый, воспитанный въ брани,
Персъ гордый, искусный въ метаніи стрѣлъ,
Возносятъ къ покою молящія длани;
И дикимъ пріятенъ покоя удѣлъ.

За камни драгіе, за пурпуръ, за злато
Спокойствія, Гросфъ, не возможно купить;
Сокровища, Ликторъ — заботы крылатой
Не могутъ отъ Царскихъ дворцовъ удалить!

Кто въ хижинѣ бѣдной доволенъ судьбою,
Кто веселъ за дѣдовской чашей вина:
Тотъ счастливъ, — и страхъ съ потаенной тоскою
Не могутъ похитить пріятнаго сна.

Почто же въ короткое время сей жизни
Мы жертвуемъ счастьемъ надеждамъ пустымъ?
Почто же мѣняемъ край милой отчизны
На страны, согрѣтыя солнцемъ другимъ?

Забота плыветъ по волнамъ съ кораблями,
За всадникомъ въ битвѣ летитъ средь мечей;
И сернъ легконогихъ и Евра, грядами
Гонящаго тучи, забота быстрѣй!

Нѣтъ чистаго блага! Судьбы отказали!
Скорѣй же цвѣтами чело обовьемъ;
Улыбкой прогонимъ заботы, печали,
И розу цвѣтущую нынѣ сорвемъ!

Взятъ рано могилой Ахиллъ знаменитой,
Титона суровая старость томитъ:
Кто знаетъ, что рокомъ въ грядущемъ сокрыто?
Тебѣ въ чемъ откажетъ — меня надѣлитъ.

Тебя украшаютъ червленыя ткани;
Тебя въ колесницѣ конь гордый несетъ;
Со стадъ собираешь обильныя дани;
Тебѣ гроздъ Фалерна роскошный цвѣтетъ:

Я, въ Тибурѣ, скромномъ удѣлѣ Фортуны
Съ цѣвницею сельской вкушаю покой;
Мнѣ сладостны лиры лезбосскія струны,
Пою — и смѣюсь надъ безумной толпой.

ТОВАРИЩАМЪ.

Друзья ликуйте, наслаждайтесь
Летучимъ счастьемъ бытія,
Любовью братской упивайтесь,
Доколѣ пѣсня соловья
Вамъ въ сердце радость проливаетъ,
Доколѣ прелестью блистаетъ
Невинной юности заря!
Да осѣняетъ кудри ваши
Изъ розъ и ландышей вѣнокъ;
Цѣдите съ громкимъ кликомъ въ чаши
Багряный винограда сокъ!
Пусть ваша жизнь блеститъ, свѣтлѣетъ
Какъ чистый ключь въ лугу цвѣтномъ,
Пусть радость васъ, какъ мать, лелѣетъ
Своимъ живительнымъ крыломъ!
Для дѣлъ великихъ и священныхъ,
Для дѣлъ безсмертьемъ озаренныхъ,
Для славы бѣлаго Царя,
Растите, мышцы укрѣпляя,

Въ науки алчный взоръ вперяя
И нѣжной дружбою горя!
Стремитесь къ истиннѣ высокой,
Къ блестящей метѣ бытія —
И счастье — спутникъ вашъ, друзья,
И слава — вашъ удѣлъ. . . . а я,
А я, угрюмый, одинокой —
Не долго цвѣсть мнѣ на землѣ,
Я мраченъ, дикъ; ланиты впали,
И руки скорби начертали
Бразды на пасмурномъ челѣ.
Душа трепещетъ и нѣмѣетъ,
Въ костяхъ струится огнь и хладъ;
Померкли очи: тусклый взглядъ;
И грудь заныла, цѣпенѣетъ,
И въ сердцѣ тайный страсти ядъ.
Вотще мечтаю, вдохновенный,
Порой о славѣ, о священной
Небесной дружбѣ: злой недугъ,
Какъ змѣй, всю плоть мою терзаетъ,
Въ отчаяньи мятется духъ,
И жизнь примѣтно утекаетъ,
И жаръ къ прекрасному потухъ. . . .
И горько плачу я порою, —
И кто же, кто своей рукою
Мнѣ слезы съ нѣжностью отретъ?
Кто, сострадательный, сольетъ
Свою слезу съ моей слезою? . . .

Чего ищу, не обрѣту;
И рано, рано отцвѣту,
Сраженный смертною косою
Еще въ плѣнительной веснѣ;
Умру въ дали отчизны милой, —
Злосчастный, въ чуждой сторонѣ —
Умру — и надъ моей могилой
Кто, кто поплачетъ обо мнѣ?

КУЧУМЪ.

Ночь мрачной ризой облекла
Холмы, луга и боръ дремучій;
Чернѣе вранова крыла
Клубятся и бунтуютъ тучи;
Перуна гласъ гремитъ въ горахъ
И рѣетъ молнія зміями,
И съ листьями взвѣвая прахъ
Качаетъ Позвиздъ соснъ главами.
Грозы сугубя ярый вой,
Клокочетъ Обь; валы сѣдые,
Катяся шумной чередой,
Біютъ о скалы вѣковыя.
Но кто на брегѣ семъ крутомъ,
Въ нѣмыя погруженной думы,
На шуйцу преклонясь челомъ,
Какъ призракъ блѣдный и угрюмый
На камнѣ мшистомъ возсѣдитъ?
Шипя въ водахъ перуны блещутъ,
Надъ нимъ маститый кедръ скрипитъ,

У ногъ валы, холмясь, хлебещутъ.
Въ лѣсу, отъ старца не вдали,
Я зрю Агаряне толпою
На мхѣ росистыя земли
Почіютъ сладко подъ грозою.
Уже потухъ въ кострѣ огонь,
Чуть паръ віется синимъ клубомъ,
И одинокій дремлетъ конь
Понуривъ голову подъ дубомъ.
Почтожъ сей мужъ въ полночной мглѣ,
Съ лицемъ суроваго Героя,
Съ печатью скорби на челѣ,
Одинъ бѣжитъ одра покоя?
Или ему отраднѣй сна
Внимать какъ осень въ дебряхъ свищетъ
И зрѣть какъ пѣною волна
Вздымаясь на каменья прыщетъ?
Ахъ! уврачуетъ ли покой
Сердца кручиною томимы?
Сей старецъ съ міромъ и судьбой
Въ бореніи неизнуримый,
Изъ милой родины бѣглецъ,
Отъ хлада вретищемъ прикрытый,
Сей Царь утратившій вѣнецъ —
Кучумъ, страдалецъ знаменитый!...
Напрасно буйный вихрь крыломъ,
Браду сѣдую возвѣваетъ,
Напрасно воетъ лѣсъ кругомъ,

Онъ реву бури не внимаетъ;
При синемъ заревѣ небесъ
Сидитъ онъ хладный, недвижимый,
Какъ сей гранитовый утесъ
Грядою бѣлыхъ волнъ дробимый.
Какъ нѣкій смутный, давній сонъ
Въ умѣ былые будитъ годы.
Супруги, чада, ханскій тронъ,
Сибирь, несчетные народы,
И все мелькнувшее какъ дымъ,
Дни мира, браней рядъ кровавой —
Все воскресаетъ передъ нимъ
Съ его безславіемъ и славой.

« Свершилось! — Стонетъ подъ ярмомъ
« Сибирь закованная въ цѣпи!...
« Оплоты рушены врагомъ.
« Снѣга, дубровы, горы, степи,
« Ни что не оградило насъ!
« Низпалъ ударъ не отразимый;
« Правдивъ шамановъ вѣщій гласъ;
« Судьбы небесъ неумолимы.
« Свирѣпой местію дыша,
« Пылая къ родинѣ любовью,
« Безплодно берегъ Иртыша
« Я утучилъ невѣрныхъ кровью.
« Вотще сердитая рѣка
« Позоръ Кучума отомстила

«И съ дикимъ ревомъ Ермака
«Въ кипящей хляби поглотила!
«Я мнилъ, что плачемъ и мольбой
«Суровость Аллы преклонилась,
«Что къ вражьей гибели со мной
«И буря въ гнѣвѣ ополчилась;
«Самъ Богъ рѣки, мечталось мнѣ,
«Десницею вздымая воды,
«Слѣпцу на радость, въ глубинѣ
«Погребъ чудовище природы. —
«Взыграло сердце, бодро вспять
«Притекъ я въ Искерь опустѣлый,
«Вѣнецъ Чингиса воспріять
«И сѣсть на тронъ осиротѣлый.
«Казалось, туча пронеслась;
«Вновь покорились мнѣ народы,
«Вновь надъ отчизной занялась
«Заря багряная свободы....
«Увы! паря надъ Иртышемъ,
«Съ горящимъ взоромъ изступленья,
«Призраки витязей съ вождемъ
«Вопили Русскимъ: братья, мщенья!...
«И Русь призывный кличь вняла,
«И вновь къ борьбѣ кровопролитной
«На берегъ Оби притекла —
«Свобода съ властью ненасытной.
«Съ зари до мраковъ бой кипѣлъ,
«Упился долъ кровавымъ токомъ,

« Все сгибло, . . . грозный часъ приспѣлъ,
« Отринутъ я; забвенъ пророкомъ,
« Булатъ Россійскій насыщенъ;
« Всѣ, всѣ мои избиты слуги;
« Влекутся въ вѣчный, вѣчный плѣнъ,
« Въ чужбину дальную, супруги;
« Лишь я среди мечей и стрѣлъ,
« Напастями непобѣдимый,
« Я, старецъ ветхій, уцѣлѣлъ
« Для новыхъ мукъ судьбой щадимый! . . .
« Сія ли мзда, о Магометъ!
« Моимъ молитвамъ сокрушеннымъ?
« Сего ль я ждалъ, воюя свѣтъ,
« Подъ знаменемъ твоимъ священнымъ,
« Съ мечемъ въ рукахъ, неся коранъ,
« Кумиры дикихъ повергая
« И мраки полунощныхъ странъ
« Лучами вѣры проясняя.
« Гдѣжъ всѣ плоды моихъ побѣдъ?
« Гдѣ мощь Кучумовой державы?
« Гдѣ обтекавшіе весь свѣтъ
« Отзывы громозвучной славы?
« Увы! отъ всѣхъ безцѣнныхъ благъ
« Осталось бѣдное названье —
« И мрачное на ихъ гробахъ
« Сѣдитъ одно воспоминанье!
« Сіяя златомъ и сребромъ,
« Сибири щедрыми дарами,

« Пріютомъ счастья былъ мой домъ
« Отъ бурь хранимый небесами.
« Во дни покоя — нѣги сынъ,
« Строптивыхъ тяжкій бичь во брани,
« Племенъ несмѣтныхъ властелинъ
« Я возвеличилъ тронъ Шейбани.
« И трепеталъ надменный врагъ
« При имени моемъ. . . . а нынѣ
« Ахъ! все исчезло, все какъ прахъ
« Крутимый вихремъ по пустынѣ! . . .
« И что же? въ память лѣтъ златыхъ
« Лишь тридцать вѣрныхъ слугъ, три сына
« Въ усладу тяжкихъ бѣдъ моихъ
« Дала мнѣ алчная судьбина. . . .
« Печальный даръ! . . . Отрадный сонъ
« Надъ ними сладостно летаетъ,
« И громъ и мой тяжелый стонъ
« Покоя ихъ не прерываетъ.
« Былъ у меня, алмазъ семьи,
« Другъ сердца отчаго избранный,
« Сынъ Асманахъ, въ златые дни,
« Всещедрымъ Аллой низпосланный;
« Румянѣе зари сіялъ
« Онъ лика свѣжею красою;
« Въ немъ я отраду почерпалъ
« Подъ гнѣтомъ золъ крѣпясь душою,
« И дряхлый я при немъ юнѣлъ
« Подъ бѣлоснѣжными власами;

« И рой надеждъ въ груди кипѣлъ,
« И волновался духъ мечтами:
« Воскресну я въ его сынахъ,
« Порой меня ласкала дума,
« И въ дальныхъ прогремитъ вѣкахъ
« Молва о доблестяхъ Кучума!!!
« Но чтожъ? и Асманахъ, и онъ
« Похищенъ, отягченъ цѣпями!!
« Ктожъ мой разсѣетъ скорбный стопъ?
« Кто растворитъ печаль слезами?
« Ко чьей, ко чьей груди прильнетъ
« Слѣпецъ бездомный, одинокій?...
« Кто сердобольный, переймётъ
« Глубокимъ вздохомъ вздохъ глубокій?
« О горе, горе мнѣ!... и вранъ
« Укрытъ въ гнѣздѣ отъ бури хладной. —
« А я могущій древле ханъ,
« Днесь безпріютный, безотрадной,
« Одинъ, снѣдаемый тоской
« Сижу несчастью обреченный,
« Одинъ, одинъ во тьмѣ ночной,
« Имѣвшій все, всего лишенный!!
« Въ моихъ очахъ померкнулъ свѣтъ,
« Кручина слезы изсушила,
« Рукой желѣзною хребетъ
« Къ сырой землѣ бѣда склонила;
« Глубоко въ блѣдное чело
« Браздами вгрызлися морщины!

« И бурь дыханье разнесло
« Мои послѣднія сѣдины!!
« Мнѣ славятъ Бѣлаго Царя,
« Гласятъ: какъ солнце всѣмъ сіяетъ
« Такъ онъ, добро одно творя,
« Враговъ прощеніемъ караетъ.
« На страшный берегъ сей ко мнѣ
« Предсталъ посолъ отъ воеводы,
« Мнѣ предрѣкалъ въ чужой странѣ
« И честь и радости свободы!...
« Свободы радости!... Увы!
« Не дважды насъ она лелѣетъ.
« Не ей процвѣсть въ стѣнахъ Москвы;
« Скорѣй, скорѣе почернѣетъ
« На семъ челѣ сребристый власъ,
« Иль свѣтомъ око воспалится
« Иль съ новой лютостью на насъ
« Ермакъ возгрянувъ ополчится! —
« За плѣнъ супругъ, за гибель чадъ
« Несытой местію пылая,
« Пойду ли въ ненавистный градъ —
« И тамъ у трона повергая,
« Владыки грознаго къ стопамъ
« Мою главу, на мѣсто дани,
« Прижмуль къ трепещущимъ устамъ
« Кровавыя убійцы длани?
« Нѣтъ, нѣтъ! Пусть чаша горькихъ золъ —
« Судьбою на меня излита;

« Пусть ниспровергнутъ мой престолъ,
« Пусть всѣ отринули меня
« Доселѣ вѣрные народы;
« Но ты не узришь, о злодѣй,
« Рушитель вольности священной,
« Главы безвласыя моей
« Клеймомъ страданій очерненной.

ПѢСНЬ НЕБА.

Въ свѣтломъ хорѣ солнцъ лучезарныхъ высится небо,
Круглое, неизмѣримое, образъ міровъ первородный,
Всѣхъ совокупность красотъ, которыя быстрымъ потокомъ
По безпредѣльности вкругъ разливаются съ отблескомъ неба.
Стройно вратится оно: съ рокотаньемъ на крыліяхъ вѣтровъ;
Къ брегу солнцъ отъ него сладкозвучное катится пѣнье,
Мѣрно плывущихъ міровъ. Умиленные лики безплотныхъ
Гласъ ихъ бряцающихъ арѳъ оживляютъ сей хоръ совокупный.
Вѣчный Творецъ какъ торжественный гимнъ славословія внемлетъ,
Какъ плѣняются очи Его осклабляясь вселенной,
Тако и уши Его пѣснопѣніе сферъ услаждаетъ.
Ты, которая внушаешь высокія пѣсни,
Внемлешь безсмертнымъ, Бога зришь, Серафимовъ по друга,

Гимнъ воспѣваемый небомъ повѣждь мнѣ, жилица Сіона
Свѣтлое царство явленій Господнихъ, святись и красуйся!
Здѣсь мы Господа зримъ, какъ Онъ есть, какъ Онъ былъ, какъ Онъ будетъ,
Вижду Блаженнаго безъ облаченья, безъ сумрака дальнихъ
Мглой покровенныхъ міровъ. Здѣсь мы Тебя созерцаемъ
Въ сонмѣ избранныхъ, Тобою блаженству небесъ пріобщенныхъ.
Сколь безконечно Ты совершенъ! Тебя нарицаетъ
Небо, Тебѣ неизреченному имя Егова;
Наша пѣснь сладкогласная, въ смѣломъ пареньи восторга,
Ищетъ Твой образъ: но тщетно. Вперясь въ глубину Твоей славы,
Мысли едва къ Твоему Божеству воскрылиться дерзаютъ.
Въ дивномъ величіи Ты лишь единъ совершенъ, Присносущный!
Мысль, которою Ты бытіе свое прозрѣваешь,
Коль возвышеннѣй, коль святѣе таинственной думы,
Дивное, коль святѣй, возвышеннѣй тайнаго взора
Обрящаемой свыше Тобой съ существомъ сотвореннымъ!
Но Ты благоволилъ, и кромѣ Тебя существа зрѣть
И на нихъ низпослать съ благодатію духъ животворный.
Небо Ты создалъ въ началѣ, тамъ насъ обитателей неба.
Былъ еще часъ вашъ далекъ, земля, дщерь юная свѣта,
Солнце и мѣсяцъ, текущіе купно съ блаженной землею.

Первенецъ міра, что было съ тобой при рожденьи,
въ день тотъ
Какъ, пролетѣвшій вѣчности, Богъ къ тебѣ низпустился
И святою обителью славы Господней украсилъ?
Своды твои необъятные, къ новой возванные жизни,
Тихо скруглялись, пріемля свой образъ; еще разносился
Творческій гласъ при первомъ звукѣ кристальнаго моря;
Ихъ брега, какъ міры взгроможденные слышали гласъ
сей,
Но ни единый безсмертный! Тогда стоялъ Ты, Зижди-
тель,
На велелѣпномъ, новомъ престолѣ себя созерцая,
Въ дивномъ безмолвіи. О восклицайте предъ мысля-
щимъ Богомъ.
Ахъ! въ сей радостный мигъ онъ васъ сотворилъ, Сера-
фимы,
Разума полныхъ и силы могущей Создателя мысли
Имъ отъ себя изліянныя въ васъ, постигать въ умиленьи,
Аллилуія, хвалебное Аллилуія; Всевышній,
Присно Тебѣ воспоется отъ насъ. Бездонной пустынѣ
Рекъ Ты: не буди! и тварямъ: раститеся! Аллилуія!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

